Время неумолимо движется вперед. Все дальше от нас героические и трагические события Великой Отечественной войны. С каждым годом все меньше остается людей, приближавших Победу, и тем дороже для нас воспоминания ветеранов, прошедших ту страшную войну...

Михаил Сидорович Борщев при нашей встрече без особых раздумий согласился рассказать о том далеком и жестоком времени. Воспоминания, как и фронтовые раны, спустя десятки лет не дают покоя ветерану. Ведь скольких своих товарищей потерял он на дорогах войны, теперь уж и не счесть.

Родился Михаил Борщев 18 сентября 1925 года в хуторе Верхняя Писаревка Фроловского района. С детства судьба уготовила для него немало испытаний.

- У нас был старинный добротный дом на четыре комнаты, большое хозяйство, - вспоминает Михаил Сидорович. - А в начале тридцатых, в связи с раскулачиванием, забрали сначала всю скотину, а потом и из дому выселять стали. Не дожидаясь, пока нас выставят на улицу, ночью перешли в неказистый флигелёк неподалеку. Его хозяйка уехала работать на Шуйскую фабрику, и домик пустовал. Наутро выселять приехали, а нас и нет. Зашли, поглядели на наше «новое» жилище - хатенка маленькая из двух комнатушек - махнули рукой и уехали. Так наша семья осталась ни с чем. Голод тогда страшный был. Помню, бык один завалился, так шкуру делили по кусочкам. От голода умерли два моих младших брата, а в 1938 году похоронили маму.

Перед войной переехали в Ширяи. Дядька приехал на быках и перевез нас в дедовский

дом. Там мы и жили - отец Сидор Филиппович, бабушка Софья Даниловна, я и младшие: брат Николай и сестра Евгения.
Когда началась война, отца сразу забрали на фронт. Михаил остался в семье за старшего. Работал в колхозе: косил сено, возил солому, заготавливал дрова для госпиталей, детского дома. Работы на селе хватало всем.
В 1942 году во время ожесточенных боев за Сталинград погиб отец Михаила. И без того осиротевшая семья получила страшное известие: «Пропал без вести в боях под Котлубанью».
- Во время войны с нашего хутора погибло много людей, - говорит М.С. Борщев. - Хутор-то тогда был большой, тянулся на несколько километров. Бывало, военные идут через него и спрашивают: «Что за хутор?». Мы им в ответ: «Ширяи!». «Что такое, весь день идем, и всё Ширяи?», - удивлялись солдаты.

В январе 1943 года Михаил получил повестку из Солодчинского военкомата.
- С утра пораньше меня и еще шестерых ребят брат повез на быках в Солодчу. Двадцать семь километров ехали целый день и приехали позже всех. Все колхозы привезли призывников на лошадях, одни мы плелись на быках – отличились, - рассказывает ветеран. - Но самое интересное, что потом нас посадили на подводы и отправили на железнодорожную станцию во Фролово, и путь наш пролегал через Ширяи. Там мы остановились на ночлег. Я побежал домой, а утром - обратно.
По железной дороге новобранцев привезли в Пензенскую область. Там, в лесу, находилось учебное подразделение. Большие, длинные землянки были рассчитаны человек на сто. Из земли были сделаны нары, на них - еловые ветки. На этих ветках солдаты и спали, укрывшись шинелью. Полгода молодые бойцы постигали азы армейского дела. А в августе многие из них уже были на переднем крае.
- Нас, троих ширяевцев, распределили в пулеметную роту, - продолжает вспоминать ветеран. - Мне, как командиру отделения, дали пулемет, солдат и одну винтовку. На ночлег расположились у танков, а на заре танки расчехлили, загрузились – и в бой.
Сколько их было, боев и наступлений, побед и поражений, Михаил Сидорович уже и не скажет. Но есть на его фронтовом пути моменты, которые он помнит до сих пор и рассказывает так, как будто это было вчера.
- Наш полк расположился на ночлег в небольшом немецком городке, в поместье какого-то помещика. Как и положено, выставили охранение. Но то ли охрана заснула, то ли отцы-командиры чего-то не учли, но ночью немцы нас в этом поместье окружили. Танками передавили все имущество, людей тогда погибло много. Больше суток дрались, сдерживая натиск немцев. Минометы-то немцы все повредили, а против танков с винтовкой немного навоюешь. На втором этаже мы с командиром отделения остались вдвоем. Патронов мало. Стали даже кирпичи собирать - думаем, если немцы попрут, то хоть кирпичами будем отбиваться. Один немецкий танк подошел прямо к дому. Танкист вылез из люка и стал показывать на наш подъезд. Я, недолго думая, выстрелил из винтовки в танкиста и попал. На выстрел из подъезда выбежали еще шесть немцев, я снова выстрелил и убил одного. Пока немцы находились в замешательстве, мы решили, что надо бежать. А куда бежать? Двор обнесен двухметровым забором, сверху еще колючая проволока в три ряда. Но жить захочешь - и не такие преграды преодолеешь.

Перелезли через забор, спрыгнули в другой двор. С дворика вышли, к стене прижались. Месяц светит, снежок небольшой на земле лежит, а перед нами - широкая дорога, за ней - лес. Через эту дорогу я бежал быстрее пули. Только вот товарища своего потерял, куда он делся, не видел. В лес вошел, смотрю, невдалеке человек шесть идут. Кричу: «Вы кто?». «Свои!», - откликаются. Подбегаю, а это майор Кравченко, младший лейтенант и еще пять наших солдат, и все без оружия, один я с винтовкой.
Стали пробовать перейти речку - лед тонкий, ломается. Спустились ниже, метров на пятьдесят. Там лед оказался покрепче, все перелезли. Да только когда на берег стали вылезать немцы нас заприметили и начали обстреливать. Взяли немного левее и опять пошли по лесу. Шли не знаю сколько, зашли в густой ельник и решили там переждать. Наломали еловых веток, устроили лежанку, стали ждать ночи. С наступлением сумерек двинулись дальше. Подошли к концу леса, майор и говорит: «Борщев, видишь тот лес метров через 800? Как до него дойдешь, пойдем мы». И я пошел. Ноги в резиновых сапогах мерзнут, а я иду. Через 50 метров смотрю - насыпь какая-то. Эту насыпь перелез, а дальше - проволочное заграждение. Думаю: наверное, минное поле. Одну проволоку перелез, глядь вправо - два человека идут. Упал между проволоками и лежу, гадаю: наши или немцы. Один кричит мне: «Хальт! Хенде хох!». Я, как только немецкую речь услышал, сразу стрелять начал. Немцы оба упали за насыпь, выглядывают оттуда и в меня целятся. Я им прицелиться не даю, все время выстрелом опережаю. Когда пятый патрон выстрелил, понимаю, что надо перезаряжаться, а возможности нет. Тогда, не помню как, сиганул через проволоку и побежал, прыгая то вправо, то влево. Рукавицы на мне были теплые, немецкие, так там остались. В лес вернулся, а наших там уж нет. Повернул назад. К проволоке пришел - рукавиц тоже нет. Ребята спускались и рукавички мои подобрали. Майор посчитал, что меня убили, и они ушли. Остался я в лесу один. Решил вернуться на то место, где день пережидали. Собрал еловые ветки, накрылся шинелью, винтовку положил под бок и уснул. Утром просыпаюсь, а рядом, оказывается, проходит дорога, немцы колоннами идут. Я натыкал елочных веточек в шапку, в шинель, и просидел так дней пять. А пока сидел, слышу, где-то рядом мычит корова. Значит, деревня близко. Решил идти, не умирать же с голоду. Будь что будет. Дождался ночи, зарядил винтовку и пошел. Подошел, сарай белый кирпичный стоит, дальше - вроде дом. Зашел с задов, иду за домом и наткнулся прямо на постового. Он как закричит: «Стой, кто идет!». Я в ответ: «Свои!». «Руки вверх! Оружие на землю!», - командует постовой. Винтовку бросил, руки поднял, а сам думаю: слава Богу, к своим попал. Во дворе расположился танковый взвод. До сих пор помню, командиром этого взвода был младший лейтенант Рогожин. Рассказал я танкистам, как немцы разбили наш полк, как оставшиеся в живых пробирались через лес, как растерялись. Выслушав командир, предложил остаться у них. И я согласился.
А тем временем ребята, с которыми шли по лесу, тоже вышли к расположению наших частей. Мой земляк Александр Михайлин спросил у них: «Вы Борщева не видели?». А они ему: «Как же не видели. Он в разведку ходил, наткнулся на немцев, и они его убили». Даже в Ширяи известие пришло, что я погиб. А я и вправду чудом уцелел, ведь сколько раз немцы били по мне, как по мишени. Пули свистят рядом, шинель вся посеченная, а я ничего, цел. В одной из перестрелок на мне был вещмешок с котелком, так немцы издали думали, что это голова и прицельно стреляли. Когда мы их перебили, вещмешок развязал, котелок достал, а в нем пять пробоин. Не котелок, а дуршлаг. Пришлось его выбросить.

Когда взяли Чехословакию, я из города Кладно послал письмо в свою часть, к которой был прикомандирован. Михайлин, получив письмо, побежал к командиру полка с известием: «Товарищ подполковник, Борщев жив!». «Немедленно забрать!», - распорядился компполка.
Ребятам дали увольнительную, они приехали за мной, а мы рано утром уехали в Венгрию. Так и остался я до конца войны в танковой бригаде. Победу встретил в Праге. Сколько радости было, когда узнали, что Победа!
Боевой путь фронтовика отмечен орденами Славы III степени, Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу» и многими другими.
Слушала я воспоминания ветерана и удивлялась. О войне говорим, где смерть на каждом шагу подстерегала, а у Михаила Сидоровича в его рассказе все как будто просто. А ведь за всей этой кажущейся простотой и скрывается необычайный героизм наших солдат. Именно такие смелые, отважные бойцы освобождали русскую землю от немецких захватчиков, брали города, завоевывали Победу.
На церемонии инаугурации губернатор Андрей Бочаров подчеркнул, что Великое историческое наследие Поколения Победителей, бессмертный подвиг защитников Отечества – главная ценность на все времена. Поэтому сбережение бесценного исторического наследия, сохранение богатых патриотических традиций, защита исторической памяти и правды, поддержка ветеранов остаются приоритетными задачами.

Подготовила А. ЕВСИКОВА.
Материал подготовлен в рамках проекта «Наследники Победы».